

III.

Пора самообразованія и душевнаго одиночества.— М. А. Протасова.

Когда весной 1802 года, оставивъ службу въ Соляной Конторѣ, Жуковскій вернулся къ роднымъ въ Мишенское, за нимъ былъ опытъ чувства, было умѣнье выразить его въ формахъ сентиментализма и желаніе воплотить его идеалы въ прелести дѣйствительности. Для этого надо было устроить, обезпечить себя безъ помѣхи любимымъ занятіямъ, доучиться, — онъ живо ощущалъ недостатки школы. Уже въ 1803 году Ал. Тургеневъ и А. С. Кайсаровъ звали его и Мерзлякова въ Гёттингенъ; въ 1805 г. онъ рѣшился „вояжировать“, мать Тургенева отпустила съ нимъ и Мерзляковымъ и сына Николая, но не раньше будущаго мая; Жуковскій могъ-бы еще подождать, „но для Мерзлякова ist es schon hohe Zeit, вѣдь онъ казенный человѣкъ“¹⁾. Предполагалось слушать лекціи въ Гёттингенѣ, побывать въ Гейѣ, Парижѣ; но проѣздъ не состоялся²⁾. „Что мнѣ писать о вашемъ вояжѣ“, писалъ тогда Жуковскому Дмитріевъ (15 ноября 1805 г.). Еслибъ я умѣлъ рисовать, то представилъ бы юношу, точь въ точь Василю Андреевича, лежащимъ на недоконченномъ фундаментѣ дома; онъ одною рукою оперся на лиру, а другою протираетъ глаза, смотритъ на почтовую карту и, зѣвая, говоритъ: Успѣю! Это будетъ надписью подъ картиною. Въ ногахъ нѣсколько проѣздовъ для будущихъ сочиненій, планъ цвѣтнику и песочные часы, перевитые розовою гирляндю“. Не состоялся и другой проѣздъ: Жуковскій вздумалъ искать мѣста, о чемъ просилъ

1) Письмо Ал. Тургенева Жуковскому 4 июня 1805 г. (Неизд.).

2) См. Дневники Жуковского 1805 г., 13 июня и 9 июля; письма къ Ал. Тургеневу 1805 г. второй половины и 31 августа; 1806 г. 8 генваря.

Марья Андреевна Протасова.

и своихъ друзей¹⁾. Тогда онъ принялся за „лекціи“ самому себѣ, серьезно, даже педантично; тому свидѣтельствомъ его дневники. Забота обращена не только на самообразование, на распорядокъ занятій, причѣмъ составлена „рѣспись во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ“, но и на самопознаніе: чувствуется вліяніе книги Іоанна Масона „Познаніе самого себя“ (Москва, 1782 г.), переведенной его духовнымъ руководителемъ И. П. Тургеневымъ. Надо было образовать характеръ и для этой цѣли кропотливо разобратъ въ своихъ свойствахъ и недостаткахъ: какъ избавиться отъ прирожденной медлительности, поддержанной непривычкою къ дѣятельности; какъ побороть ревность, обращать зависть въ „соревнованіе“ или въ „искреннее пріятное удивленіе“; говорить правду, не оскорбляя самолюбія, или не говорить вовсе, если она вредна. Иныя изъ этихъ житейскихъ правилъ, плодъ теоріи или ранняго опыта, Жуковский повторить въ письмахъ къ друзьямъ, станеть заносить въ альбомы. „Дневникъ“ останеться для него навсегда лучшимъ средствомъ самонаблюденія: онъ введеть его у Протасовыхъ, поощрять къ тому-же графъ. Самойлову, попросить Цесаревича, которому поднесъ альбомъ, подаренный ему наслѣдникомъ прусскаго престола, вписывать въ него мысли, которыя могли бы впоследствии руководить какъ его нравственными, такъ и государственными поступками. — Пока его главная задача — построить планъ жизни, заработать счастье. Какъ это сдѣлать?

Уже въ самомъ раннемъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ дневника (1804 г.) онъ откровенно заявляетъ, что у него нѣтъ „способностей публичнаго человѣка“ (öffentlicher Mann). Это характерно для молодого поэта и для эпохи; общественные вопросы отходятъ на второй планъ, ихъ рѣшеніе покоится на личномъ развитіи: дѣло „просвѣщенія“ дать человѣку „искусство дѣйствовать и совершенствоваться въ томъ кругѣ, въ который заключила насъ рука Промысла, въ самомъ себѣ находить неотъемлемое счастье“; если такое просвѣщеніе коснется многихъ, всѣ окажутся довольными „тѣмъ участкомъ благъ, большимъ или малымъ, который получили отъ Провидѣнія“, будутъ взирать „независтливымъ окомъ на преимущества чуж-

1) Сл. письма къ Тургеневу 1806 г., половины и 24 декабря; 17 и 28 января 1807 г. Сл. письмо къ Жуковскому Анны Петровны Юшковой, Русскій Архивъ 1902 г., май, стр. 130.

даго, которое для него несвойственно, сравниются между собою въ стремленіи... образовать, украсить, приблизить къ Творческой, свою человѣческую натуру". Лучшая награда всякому „во внутреннемъ спокойномъ увѣреніи, что исполняешь свою должность, какъ *человѣкъ*, совершенствуя свою натуру, какъ *гражданинъ*, трудясь съ намѣреніемъ.... приносить отечеству пользу, большую или малую, смотря по обширности дарованій" (Письмо изъ уѣзда 1808 г.).

Естественной средой, „кругомъ" для такого воспитательнаго вліянія просвѣщенія является семья: семьянинъ идетъ передъ гражданиномъ. „Почитай обязанностью быть дѣятельнымъ для пользы отечества, говорится въ статьѣ „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ" (1808 г.), но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоценныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства"; въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ тебя „счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ.... добродѣтелей ¹⁾.

Такъ воспитывалась *добродѣтель* ²⁾, тотъ „человѣкъ", идеаль нашихъ масоновъ, который грезился поэтамъ чувства и чувствительности и становился общимъ мѣстомъ. „То царство мирно, безмятежно, Въ которомъ царь есть царь сердець", пѣлъ Карамзинъ на восшествіе императора Павла; на актѣ 1797 г. въ одѣ, читанной 14-ти лѣтнимъ Жуковскимъ, императоръ Павелъ вѣщаетъ музамъ:

Я буду царствовать, а вы
Скажите позднему потомству:
Онъ подъ вѣнцемъ былъ *человѣкъ*.

(Благоденствіе Россіи, устроеное великимъ ея самодержцемъ Павломъ I) ³⁾.

Жуковский открываетъ въ себѣ способности „быть *человѣкомъ*, какъ надобно" (къ Тургеневу 1805 г. 31 августа); его

1) Сл. тѣ-же идеи въ примѣчаніи къ французской статьѣ, переведенной Сѣверинымъ (1808 г.).

2) См. рѣчь Жуковскаго на пансіонскомъ актѣ 1798 г. и двѣ пьесы подъ заглавіемъ „Добродѣтель" того же года.

3) Сл. оду Державина на рожденіе Александра I: „будь на тронѣ *человѣкъ*".

Теонъ возвышается душою „при мысли великой, что я *человѣкъ*“ (Теонъ и Эсхинъ 1814 г.); „дань свободная, дань сердца — уваженъе; Не власти, не вѣнцу, но *человѣку* дань“ (Имп. Александру 1814 г.); извѣстны стихи Жуковскаго въ посланіи на рожденіе вел. кн. Александра Николаевича (1818 г.)

Да на чредѣ высокой не забудеть
Святѣйшаго изъ званія: *человѣкъ*.

Дневникъ 1805 г. даетъ поводъ и къ другимъ наблюденіямъ. Жуковскій хочетъ „трудиться, трудомъ получать свое пропитаніе и вмѣстѣ удовольствіе; чтеніе, садоводство и, — если бы далъ Богъ, — общество вѣрнаго друга, или вѣрной жены будутъ моимъ отдохновеніемъ“. Онъ не ищетъ большого счастья: „спокойная, невинная жизнь, занятія для меня и для другихъ полезныя или пріятныя, дружба, искренняя привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ, и, наконецъ, если бы было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній — вотъ всѣ мои требованія отъ Провидѣнія“ (13 іюня). Это программа „посредственности“ какъ говорили въ Карамзинское время („Посредственность — харита“ въ посланіи къ Батюшкову 1812 г.). Цѣлью дѣятельности ставится литература, образованіе характера, поддержаніе состоянія, *счастье семьи, если она будетъ, и исполненіе общественныхъ условій* (10 іюля):

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ сель, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.

(Вечеръ 1806 г.).

Его идеаль — идеаль Лафонтена въ „Снѣ Могольца“ (пер. 1806 г.); нравоученію другой басни Лафонтена, что умнѣе, разсчетливѣе (*les plus habiles*) оказываются тѣ, кто довольствуется немногимъ, данъ идиллическій оборотъ:

Одною скромностію желаній мы счастливы.

(Цапля 1806 г.).

Говоря о „пріятно-уныломъ расположеніи духа“ и о на-

слаждениі меланхоліей, молодой Жуковскій находитъ въ нихъ опредѣленіе счастья: оно „во внутреннемъ наслажденіи“, ни иное что, какъ „сіе тихое, ясное состояніе наше, продолженное на всю жизнь или, по крайней мѣрѣ, на большую часть жизни“ (1 іюля). Счастье „въ сердцѣ, въ тихомъ, спокойномъ наслажденіи самого себя, происходящемъ отъ порядка въ дѣлахъ, отъ невинности души, отъ занятій пріятныхъ и постоянныхъ, отъ способности быть съ самимъ собою или съ своими любезнѣйшими, что все равно“ (10 іюля). Счастье въ вѣрѣ; на вѣрѣ, чувствѣ, не на „холодномъ, медлительномъ“ разсудкѣ, покоится религія и та сердечная дружба, въ которой возможенъ *épanchement du coeur*. Жуковскій чувствуетъ, что этой вѣры у него еще нѣтъ, и старается воспитать ее въ себѣ, удалить сомнѣнія. Если по смерти „душа, какъ духовный атомъ, отдѣленный отъ души всемірной, объемлющей все своею безпредѣльностью, должна къ ней приобщиться и въ нее кануть, какъ въ океанъ капля, то какая утѣшительная мысль о будущемъ свиданіи можетъ оживлять человѣка, разлученнаго смертью со своими любезными?...., писалъ онъ по смерти Андрея Тургенева его отцу (11 августа 1803 г.). Это его смущаетъ, но „какъ-бы то ни было,— довѣренность къ Провидѣнію! какъ говоритъ Карамзинъ и какъ долженъ говорить всякій добрый человѣкъ“. Дневникъ возвращается къ тому-же вопросу: вѣра есть „слѣдствіе долгаго разсматриванія природы и самого себя и увѣреніе въ ничтожности твари, въ милосердіи Творца: я еще не старался приобрѣсть сего увѣренія и по сю пору былъ на другой дорогѣ. Что будетъ, я не знаю, но должно стараться сдѣлать себя счастливымъ: это есть законъ природы. А вѣра есть вѣрнѣйшее средство его исполнить“ (16 іюля). Счастье въ вѣрѣ въ безсмертіе, записалъ онъ въ другомъ мѣстѣ: „ахъ, еслибы это чувство укоренилось въ душѣ моей! Какъ бы всѣ несчастья были передо мной слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышаетъ душу!... Тамъ! какое слово, что подъ нимъ заключается! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство — все тамъ! О! великое Существо, великое Существо, назначившее человѣка быть безсмертнымъ!“ (17 іюля).

То-же требованіе „религіи“, вѣры въ „безсмертіе“, то-же желаніе воспитать въ себѣ эту вѣру, выразилось и въ письмахъ къ Александру Ив. Тургеневу: „Еще, братъ, хочу обратить вниманіе на религію. Она нужнѣе и дѣйствительнѣе простой ум-

ственной философіи; но только хочу; испытаю и увижу“ (31 августа 1805 г.); „я живо себѣ представляю, какое блаженство должна давать прямая религія; она возноситъ челоуѣка выше всего, выше самой его личности; но я только представляю это: я въ себѣ не нахожу того сильнаго, внутренняго, неизгладимаго чувства, которое должно быть твердѣйшимъ основаніемъ религіи“. До тѣхъ поръ онъ былъ къ ней равнодушенъ, потому что смолода видѣлъ христіанъ, не имѣвшихъ „понятія о возвышенности чувствъ христіанскихъ“, людей, у которыхъ чувства и дѣла расходились „съ правилами и словами“ (тому же 1806 г. 8 генваря).

Съ такой же настойчивой сознательностью воспитываетъ онъ въ себѣ и чувство дружбы. По смерти Андрея Тургенева онъ перенесъ свои симпатіи на его брата Александра, хотѣлъ бы соединить его кружокъ молодыхъ товарищей, Мерзлякова, Кайсарова, Блудова. Надо, чтобы всѣ они были друзьями „чтобы всякій изъ насъ, дѣлая что нибудь на семь свѣтѣ, имѣлъ въ виду тѣхъ людей, которые составляютъ для него *миръ*, то есть тѣхъ, которыхъ одобренія его оправдываютъ и ободряютъ; чтобы всякій изъ насъ чувствовалъ, что онъ точно *не одинъ*; иначе для чего быть и славнымъ и добродѣтельнымъ! Нѣтъ, это я не такъ сказалъ! Иначе скучно, трудно быть и славнымъ и добродѣтельнымъ“. Онъ признается, что доказываетъ необходимость „больше умомъ, нежели чувствомъ. „Я сильнѣе это буду чувствовать только тогда, когда испытаю. Ты самъ признаешься, что вся наша дружба, твоя, моя, Мерзлякова, Кайсарова была основана на воображеніи“; съ Кайсаровымъ, съ которымъ у него была какая-то размолвка, онъ желалъ бы быть „въ тѣснѣйшей связи“ (тому же 31 августа 1805 г.) Надо увѣриться, „что мы не простые друзья, не такіе, которымъ только пріятно встрѣчаться, быть вмѣстѣ, но такіе, которымъ нужно быть друзьями, на которыхъ дружба имѣетъ то же вліяніе, которое должна имѣть религія на всякую благородную душу“. Пока „мы всѣ сходились вмѣстѣ случайно, съ удовольствіемъ; но я не знаю, во мнѣ не было этого внутренняго, влекущаго чувства, которое бы я желалъ имѣть, будучи вмѣстѣ съ моими друзьями, однимъ словомъ, чего-то не было такого, что всего вѣрнѣе въ дружбѣ — какъ это назвать, не знаю. Никого изъ васъ, это разумѣется, я не любилъ съ такою привязанностью, какъ брата (Андрея), то есть, не будучи съ нимъ

вмѣстѣ, я его воображалъ съ сладкимъ чувствомъ; былъ къ нему ближе; ему подавалъ руку съ особеннымъ, пріятнымъ чувствомъ; я не знаю, какъ-то отмѣнно весело было чувствовать его руку въ моей рукѣ; между нами было болѣе сродства, по крайней мѣрѣ, съ моей стороны. Но что дѣлать! Даже при жизни его мы не были то, что-бы могли быть; въ то время, когда онъ былъ со мною, въ насъ было больше (то есть во мнѣ) ребяческаго энтузіазма; потомъ мы разстались, потомъ все кончилось; однимъ словомъ, моя съ нимъ дружба была только зародышъ, но я потерялъ въ ней то, чего не замѣню или чего не возвращу никогда: онъ былъ бы моимъ руководцемъ, которому бы я готовъ былъ даже покориться; онъ бы оживлялъ меня своимъ энтузіазмомъ. Но, братцы, мы можемъ быть другъ для друга многимъ, очень многимъ, всѣмъ, со временемъ, разумѣется, не вдругъ¹⁾. (То му же 11 сентября 1805 г.). „Всякой разъ, когда вспомню о братѣ, то живѣе чувствую цѣну его и потерю. Что-бы онъ былъ для меня теперь! Кажется, мнѣ теперь жаль его больше, нежели тогда, когда мы его лишились. Я теперь больше чувствую самого себя, больше знаю цѣну настоящую жизни и больше понимаю, для чего я живу. Дружба его, какъ она ни была коротка, оставила что-то неизгладимое въ душѣ моей: весь энтузіазмъ къ доброду, все благородное, что имѣю, все, все лучшее во мнѣ, принадлежитъ ему. Мнѣ кажется, всякой разъ, когда объ немъ вспомню, сталъ бы на колѣна; для чего — не знаю, но какое-то особое чувство меня къ этому побуждаетъ. Ахъ, братъ, намъ надобно жить на свѣтѣ не такъ, какъ живутъ обыкновенно, жить возвышеннымъ образомъ; но я *одинъ* ничего не сдѣлаю: мнѣ необходима подпора. Я найду ее въ дружбѣ, и въ твоей дружбѣ“. Но „я долженъ еще быть образованъ для дружбы“. Дружба — это пособіе къ исканію совершенства. „Другъ, жена — это помощники въ достиженіи къ счастью, а счастье есть внутренняя, душевная возвышенность.

Wem der grosse Wurf gelungen
Eines Freundes Freund zu sein,
Wer ein holdes Weib errungen....

Эти стихи я нынче очень чувствую¹⁾. (Тому же 8 генваря 1806 г.).

1) Изъ Шиллера, An die Freude. Сл. выше стр. 67 (въ письмѣ Андрея Тургенева).

Дружба требуетъ откровенности, сообщенія другъ другу своихъ намѣреній и чувствъ для выработки сообща жизненнаго плана; надобно жить связно и другъ для друга. Съ Мерзляковымъ, человѣкомъ „необыкновеннымъ“, Жуковскому бывало всегда весело, но ему кажется, что между ними не было „искренности“, съ А. С. Кайсаровымъ ему надо „поближе сойтись“¹⁾. „Я признаюсь предъ вами, любезные друзья, что я самъ былъ что-то не то, но намъ надобно быть образователями другъ друга“ (то же письмо)²⁾; онъ пропагандируетъ дружбу въ „Письмѣ изъ уѣзда“ (1808 г.); другъ „для насъ — второе Провидѣнье“ (Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ 1812 г.) дружба — это „союзъ любви“, повторить онъ позже въ отвѣтъ на письмо Ал. Тургенева (1813 года).

Въ этомъ лихорадочномъ исканіи дружбы много разсудочности. Жуковскій сознаетъ это самъ: „это говорить вамъ не энтузіазмъ ребяческой и огненный, но холодное размышленіе“ (Ал. Тургеневу 1805 г., 31 августа); не натянутое, на время воспламеняющее чувство, а „чувства спокойныя, утвержденныя умомъ“, навсегда остающіяся; онъ хочетъ быть „энтузіастомъ по разсудку. C'est une rareté“ (ему же 11 сентября 1805 г.). Другими словами: спрость чувства онъ хочетъ возвести въ требованіе разума, дружбу въ орудіе нравственнаго совершенствованія. Черта, интересная для психологіи поэта, у котораго такъ много было мечтательности и — самонаблюденія, такъ много полетовъ къ небу — и любви къ педагогическимъ таблицамъ, къ кропотливымъ, поройъ призрачнымъ выкладкамъ, какъ обезпечить себя матеріально (сл. напр. дневникъ 1805 г., 13 іюня, § 3); такъ много порядка — въ фантазіи.

1) „Надобно, чтобъ онъ на всегда остался нашимъ (къ Ал. Тургеневу 15 сентября 1809 г.). Смерть „друга и товарища“ Кайсарова Жуковскій хотѣлъ „помянуть стихами“ (къ Ал. Тургеневу 1813 г., 20 мая и 2 сентября). Въ 1818 г. Ал. Тургеневъ получилъ записки А. С. Кайсарова, находившіяся въ чужихъ рукахъ: при чтеніи ихъ образъ Анны Михайловны Соковниной оживотворился въ его душѣ, „минувшее для меня воскресло und mancher liebe Schatten stieg herauf! Такъ вся наша молодость! Молодость давно уже такъ живо не ощущалась. Весь журналъ Андрея Сергѣевича наполненъ огненною дружбою къ брату, и память Кайсарова сдѣлалась для меня съ тѣхъ поръ священнѣе“ (письмо къ Жуковскому 12 фѣвраля 1818 г. неизд.).

2) Сл. еще письмо того же (предположительно) года изъ Москвы, письма августа и 15 сентября 1809 г. и *passim*.

Друзья отзывались „Любовь и дружба — вотъ чѣмъ можно себя подь солнцемъ утѣшать“ — писалъ Жуковскому Мерзляковъ (весною 1803 г. изъ Рязанской деревни), приглашая къ себѣ друга: онъ одинъ остался у него послѣ Андрея, ни на кого его не промѣняетъ; увидить его — точно передъ нимъ воскресшій Андрей; надо „подумать о своихъ будущихъ планахъ, подумать о будущей жизни, но подумать *вмѣстѣ*“ (22 сентября 1803 г.) ¹⁾.

Счастья, основаннаго на чувствѣ, Жуковскій не нашелъ въ семьѣ, куда онъ вернулся; среда осталась та же, но требованія поэта усилились, желанія стали энергичнѣе.

Для одинокихъ мѣръ сей скученъ,
А въ немъ одинъ скитаюсь я,

писалъ онъ въ 1803 году,

Мое младенчество сокрылось;
Ужъ вянетъ юности цвѣтокъ;
Безъ горя сердце истощилось,
Впередъ присудить что-то рокъ?....
Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной,
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!

(Стихи, сочиненные въ день моего рожденія. Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ 1803 г.). И онъ зоветъ ихъ къ себѣ, въ свою хижину, въ уединенную тѣнь лѣсовъ. Дружба — выходъ изъ одиночества. Въ дневникѣ 1805 г. онъ открываетъ своей сѣге тамап, Протасовой, одолѣвавшій его душевный голодъ. У него не было до сихъ поръ человѣка, который помогъ бы ему „разобрать“ самого себя, сказать ему, что въ немъ хорошо, что надо исправить. „Несчастье, которому причины надобно искать въ моихъ обстоятельствахъ. Вы однѣ можете сказать, что любили меня прямо, но вы не могли принести мнѣ той пользы, которую принести способны. Чтò этому причина, не знаю, но увѣренъ, что не вы сами, а множество такихъ непримѣтныхъ обстоятельствъ, которыхъ почти нельзя опредѣлить словами, но которыя есть, потому что ихъ дѣйствіе очевидно“. Что еслибъ

1) Сл. Русскій Архивъ 1871 г. № 2: Письма Мерзлякова къ В. А. Жуковскому стр. 0139 и 0144.

человѣкъ „былъ оставленъ съ однѣми своими силами на произволь судьбы и обстоятельствъ; если онъ среди людей, *привязанныхъ къ нему одною привычкою, а не любовью, былъ одинъ, зависль отъ одного себя*, долженъ былъ самъ себя образовать, не зная какъ и даже долго не думая объ этомъ, слѣдовательно потерявъ самое лучшее время?.... Этотъ человѣкъ — я!“.... (послѣтка послѣ 21 іюля).

Съ 26 августа по 10 ноября Жуковскій не принимался за свой журналъ: онъ удрученъ, работа, да еще принужденная (переводы), не всегда идетъ удачно, „въ умѣ такая пустота и недѣятельность; прошедшее мнѣ кажется очень дурнымъ, а настоящее скучнымъ; отъ будущаго не ожидаю ничего; всѣ мои планы исчезли; даже нѣтъ во мнѣ желанія дѣлаться лучше, образовать и умъ и характеръ. „*Одиночество*, совершенный недостатокъ въ пріятныхъ связяхъ, отдаленіе тѣхъ людей, которые бы могли меня оживлять и ободрять въ исканіи всего хорошаго, совершенное безсиліе души, ненадѣянность на самого себя — вотъ что меня теперь мучитъ! *я одинъ*; въ самомъ себѣ не нахожу довольно прибѣжища; чувствую, что одинъ мало могу для себя сдѣлать; мнѣ не достаетъ ободренія.... Одинъ не могу ни о чемъ думать, потому что не имѣю матеріи для мыслей.... Къ тому же не умѣю мыслить въ связи, это для меня утомительно, и въ теперешнемъ моемъ расположеніи не чувствую даже и нужды мыслить.... Самъ съ собою я недоволенъ и скученъ;.... съ тѣми, кто вокругъ меня, я не связанъ (что этому причиной, не знаю, но долженъ узнать);.... самое общество матушки (настоящей матери), по несчастію, не можетъ меня дѣлать счастливымъ: я не таковъ съ нею, каковъ долженъ быть сынъ съ матерью; это самое меня мучитъ, и мнѣ кажется, я люблю ее гораздо больше заочно, нежели вблизи. *Я не былъ счастливъ* въ моей жизни, кажется, и не буду счастливымъ. Надобно пріобрѣсть способность быть счастливымъ, а я едва ли не пропустилъ время. Какъ прошла моя молодость? Я былъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Не имѣя своего семейства, въ которомъ бы я что нибудь значилъ, я видѣлъ вокругъ себя людей мнѣ коротко знакомыхъ, потому что я былъ передъ ними вырощенъ, но не видалъ родныхъ, мнѣ принадлежащихъ по праву; я привыкъ отдѣлять себя ото всѣхъ, потому что никто не принималъ во мнѣ особливаго участія, и потому что *всякое участіе ко мнѣ казалось мнѣ милостію*. Я не былъ

оставленъ, брошенъ, имѣлъ уголъ, но не былъ любимъ никѣмъ, не чувствовалъ ничьей любви ¹⁾, слѣдовательно, не могъ платить любовью за любовь, не могъ быть благодарнымъ по чувству, а былъ только благодарнымъ по должности“. Это сдѣлало его холоднымъ, робкимъ, нерѣшительнымъ, медленнымъ, лѣнивымъ; въ такихъ обстоятельствахъ чувствительность притупляется, да и умъ остается неразвитымъ, „потому чувства заставляютъ дѣйствовать умъ, а если чувства не дѣйствуютъ, то и умъ спитъ“ (въ другомъ мѣстѣ: „все хорошее основано на чувствѣ“, умъ слѣдуетъ ему по одному лишь разсчету). Онъ такъ привыкъ, чтобъ его не любили, что всякій знакъ любви кажется ему страннымъ, чѣмъ-то необыкновеннымъ; одна любовь, привычка отвѣчать на любовь, дѣлаетъ сердце нѣжнымъ, способнымъ на любовь, стало быть счастливымъ. Еслибъ у него былъ человѣкъ, который дорожилъ бы его счастьемъ, онъ любилъ бы его, „какъ своего Бога“.

Дмитріевъ звалъ Жуковскаго въ Москву: надо поскорѣе оставить ваше уединеніе „которое способно питать вашу наклонность къ меланхоліи“ ²⁾. Жалобами на уныніе и бездѣйствіе полны письма къ Ал. Тургеневу; „моя душа не имѣла еще пищи, не пробуждалась, это вѣрно; воспитаніе, или, лучше сказать, все то, что было со мною со времени моего младенчества (потому что я не имѣлъ воспитанія), вмѣсто того, чтобы образовать ее и усилить, только что ее усыпило; я былъ одинъ совершенно, то есть въ кругу множества людей, которыхъ имѣлъ съ собою, былъ нѣкоторымъ образомъ отдѣленъ отъ всѣхъ“ (1805 г. 11 сентября); „здѣсь я одинъ; почти все, что вокругъ себя вижу, мнѣ не отвѣчаетъ, а мнѣ нужна подпора. О, моя жизнь прошла не такъ, какъ бы должно было. Ты имѣлъ предъ собою брата, бабушку — какіе люди! Но я вѣчно прозябалъ, почти одинъ, хуже нежели одинъ, потому что не былъ оставленъ, не былъ брошенъ, слѣдовательно, не имѣлъ нужды дѣйствовать, могъ спать умомъ и тѣломъ, и спать, и проснулся очень недавно, и по сію пору не умѣю владѣть собою“ (генваря 8, 1806 г.).

Племянница Жуковскаго, А. П. Юшкова (замужемъ Зонтагъ), боялась за него „хотя я и увѣрена, что досугъ никогда вамъ

1) Тоже въ дневникѣ 1814 г., Русская Старина 1883 г., т. 37, стр. 210; сл. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 56—7.

2) Письмо 27 декабря 1805 г. Сл. письмо 1806 г. 14 апрѣля.

не будетъ въ тягость, однакоже мнѣ очень жаль, что вы теперь совершенно одни, писала она ему. Уединеніе прекрасное дѣло, но только не такое совершенное уединеніе, каково теперь ваше“. Она утѣшается тѣмъ, что, вѣроятно, вернулся баронъ И. П. Черкасовъ, сосѣдъ Жуковскаго по Мишенскому: будетъ хотя одинъ человѣкъ, „съ которымъ вамъ можно поболтать, а то право, страшно бы было, чтобы вы не забыли говорить и чтобы изъ милаго Базиля и въ самомъ дѣлѣ не вышелъ самой хорошенькой медвѣдь. Не ѣздите въ чужіе края, милой Базиль!“¹⁾ Съ Черкасовымъ Жуковскій не замедлилъ сблизиться: напелъ въ немъ очень умнаго человѣка, съ которымъ пріятно побесѣдовать, потому что онъ заставляеть думать, напрягать мысли, но въ томъ, что онъ говорить о религіи, морали и т. д., „больше ума нежели чувства“, и Жуковскій не испыталъ, по отношенію къ нему, „сердечной, сладкой искренности, épanchement du coeur“ (Дневникъ 1805 г., 16 іюля).

Въ письмѣ Жуковскаго къ Тургеневу 1806 г. есть намеки на какія-то „обстоятельства“, которыя побудятъ его ограничить себя одной дружбой, искать счастья въ ней; „ты, можетъ быть, долженъ будешь замѣнить для меня многое; что съ одной стороны потеряю, то буду стараться замѣнить тобою“.

Когда спросъ сердца такъ страстенъ, онъ выразится болѣзненно-восторженно, сдержанно-пугливо, лишь только явится его объектъ среди „обстоятельствъ“, на которыя намекаетъ Жуковскій.

Подъ 9-мъ іюля 1805 г. онъ спрашиваетъ себя въ дневникѣ: „можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка?“ Жуковскій занимался тогда съ своими племянницами, дочерьми Екатерины Аванасьевны Протасовой, поселившейся въ Бѣлевѣ, въ трехъ верстахъ отъ Мишенскаго, и ощутилъ романтическое влеченіе къ старшей изъ дѣвочекъ, Марьѣ Андреевнѣ; ей было 12 лѣтъ (род. въ 1793 г.); ему самому шелъ 23-й годъ. „Что со мною происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то неясное желаніе! Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка? Но въ душѣ моей сдѣлалась переменна въ разсужденіи ея! Третій день грустенъ, унылъ! Отчего? Оттого что она уѣхала! Ребенокъ! Но я себѣ ее представляю въ будущемъ, въ

1) Письмо отъ 9 марта 1806 г., Русскій Архивъ 1902 г., май, стр 131 сл. ib. письмо отъ 16 апрѣля.

то время, когда возвращусь изъ путешествія, въ бѣльшемъ совершенствѣ!“ Это чувство родилось вдругъ, и онъ желаетъ сохранить его, имъ наполненъ; „если оно усилится, то сдѣлаетъ меня лучшимъ, надежда или желаніе получить это счастье заставитъ меня думать о усовершенствованіи своего характера; мысль о томъ, что меня ожидаетъ дома, будетъ поддерживать и веселить меня во время моего путешествія. Я былъ бы съ нею счастливъ, конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственнаго счастья и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности. Но можетъ-ли это быть? Катерина Аванасьева, если не ошибаюсь, дала мнѣ что-то предчувствовать. Но родные? Можетъ быть, они этому будутъ противиться?.... Неужли для пустыхъ причинъ и противорѣчій гордости Катерина Аванасьева пожертвуетъ моимъ и даже ея счастьемъ, потому что она, конечно, была бы со мною счастлива“?

Это рождающееся чувство онъ воспитываетъ въ себѣ нѣжно и робко, какъ воспитывалъ чувство вѣры и дружбы. Симпатіи дѣвочки раскрываются ему навстрѣчу; онъ полонъ неясныхъ надеждъ, еще не прочелъ всего Агатона Виланда, а уже рисуетъ себѣ идеалъ молодого человѣка, „который заключаетъ свое счастье меньше въ грубой чувственности, нежели въ наслажденіяхъ духовныхъ“: мечтательность (Schwärmerei), обузданная „здравую опытною философіею, можетъ быть источникомъ совершеннѣйшаго земнаго счастья“. „Жить одними идеалами не годится, но не имѣть совсѣмъ идеаловъ столь же не годится: середина есть то, что всякій человѣкъ съ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ чувства избирать долженъ“ (письмо къ Вендриху 19 декабря 1805 г.)¹⁾ Агатонъ — „святая книга“, пишетъ онъ (8 января 1806 г.) Ал. Тургеневу, а въ мысляхъ про себя, относящихся къ тому-же году, отмѣчаетъ: „Идеалъ добродѣтельнаго и счастливаго человѣка. О Агатонѣ“²⁾.

Въ 1806 году проснулась и его поэзія: въ 1805-мъ она дремала, написано всего три стихотворенія, тогда какъ къ 1806 г. ихъ 43³⁾, между ними „Вечеръ“ и „Пѣснь Барда“, есть элегическія и шутливыя, эпиграммы и басни изъ Лафонтена. На 16-е января Жуковский подарилъ Машѣ альбомъ своихъ

1) Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, т. 6-й, стр. 384—385.

2) Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 42.

3) Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 26—9.

стихотвореній, съ рисункомъ сепіей въ срединѣ заглавнаго листа: женская и мужская фигуры, деревня и холмикъ съ вазой. На верху листа надпись: „Памятникъ прямой дружбы“ и эпиграфъ изъ Вольтера:

Vous en qui tant d'esprit abonde,
Tant de grace et tant de douceur,
Si ma place est dans votre coeur,
Elle est la première du monde.

Внизу листа: „1806 г., 14 октября“; на оборотѣ стихи:

Мой другъ безцѣнный, будь спокойна!
Да будущаго мракъ тебя не утрашитъ!
Душа твоя чиста! ты счастья достойна!
Тебя Всевышній наградить.

Въ этотъ альбомъ Жуковскій помѣстилъ стихотворенія съ 1802 г., но продолжалъ заносить и позже — до 1814 г. ¹⁾.

Очевидно, къ Малшѣ обращено и стихотвореніе 9 октября 1806 года, подробно излагающее программу идеальной для него жизни:

Младенцемъ быть душою;
Разсудкомъ созрѣвать;
Не тѣла красотою,
Любезностью плѣнять....
Быть въ дружбѣ неизмѣнной;
Любя, душой любить;
Супруги санъ священной
Какъ даръ небесъ хранить....
Вотъ счастье, другъ безцѣнный,
Другого счастья нѣтъ ²⁾.

За 1807-й годъ сохранилось всего одно стихотвореніе:
„М(алшѣ) на Новый годъ при подаркѣ книги“

1) Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 80 слѣд.

2) Русская Старина 1902 г., апрѣль: Два неизданныхъ стихотворенія В. А. Жуковскаго, стр. 134—5.

На новый годъ въ *воспоминанье*
 О томъ, кто всякій часъ мечтаетъ о тебѣ,
 Кто счастье дней своихъ, кто радостей исканье
 Въ твоей лишь заключилъ, безцѣнный другъ, судьбѣ!

Жуковскій собрался было въ дорогу; въ началѣ 1807 года А. П. Зонтагъ писала ему, желая добраго пути: „Вы отправляетесь путешествовать, смотрѣть на Волгу и горы Уральскія“¹⁾. Оказывается, Блудовъ поѣхалъ въ свою Казанскую деревню, чтобы устроить дѣла по смерти матери; за нимъ увязался и Жуковскій. „Я поѣхалъ было съ Блудовымъ въ Оренбургъ, хотѣлъ видѣть нѣкоторую часть православной Руси, но въ двадцати верстахъ отъ Москвы наша коляска была опрокинута; я ушибъ руку“; пришлось вернуться²⁾. Эпизодъ этотъ случился ранней весною³⁾, 4-го мая того-же года Зонтагъ пишетъ Жуковскому, какъ она испугалась при вѣсти о его паденіи, какъ Кашкинъ считаетъ это полезнымъ для Жуковского, ибо научить его, „не соваться въ воду, не спросясь броду. Ахъ! думала я,.... сколько разъ уже нашъ Жуковскій испытывалъ бродъ, и хотя находилъ его глубокимъ, но все таки продолжалъ соваться въ воду. Напр., подъ Лихвинимъ онъ втюрился по уши въ Оку, въ другой разъ полетѣлъ, было, въ Вырку съ мосту, въ третій разъ хотѣлъ взбѣжать на крутой берегъ, чуть не умеръ отъ усталости.... Соковнины очень смѣшно шутятъ надъ вашимъ паденіемъ. Напр., Катерина Михайловна пишетъ, говоря объ васъ:

Проклявъ себя, судьбу, дорогу,
 Не мѣшкая ни часа, назадъ онъ повернулъ,
 Таща свое крыло и волочивши ногу,
 Полмертвой, полхромой,
 И прибылъ, наконецъ, калѣкою домой⁴⁾.

1) 5 января 1807 г. Русскій Архивъ 1902 г., май, стр. 180.

2) Къ Ал. Тургеневу начало іюля 1807 г.

3) Если дата письма Ек. Ае. Протасовой къ Жуковскому вѣрна (1808 г. 5 мая), то упоминаніе Оренбурга относится къ замыслу, которому миновалъ годъ: „Скажи мнѣ, пожалуста, какъ ты это вздумалъ эдакую даль ѣхать: Оренбургъ 1512½ верстъ отъ Москвы. Это ужасно далеко“. Русскій Архивъ 1902 г., май, стр. 129—180.

4) Русскій Архивъ, l. c., стр. 180—1.

Въ 1807 году Соковнины снова выплываютъ въ перепискѣ друзей; старыя чувства забыты, ихъ стараются забыть.

Въ этомъ отношеніи интересны два письма Жуковского къ Ал. Тургеневу. Въ первомъ (9 декабря 1807 г.), переходя отъ русскаго языка къ французскому, Жуковский спрашиваетъ: „Dites moi encore, Alexandre, que veulent dire ces mots“:

Одна живетъ въ году весна,
Одна и милая на свѣтѣ!

N'est ce pas inconséquent de montrer, qu'on a des sentiments, sans avoir le dessein de les nourrir et sans en avoir la possibilité? Pourquoi parler d'une chose, qu'on n'a ni le désir, ni le pouvoir de recommencer, et pourquoi risquer de réveiller des sentiments, qui ont été bien vifs, qui sont déjà éteints et qui ne peuvent être que douloureux? Je ne sais pas, quelle idée vous aviez eu en écrivant ces vers. Dans ces choses, connaissant bien les personnes, avec lesquelles vous avez relation, vous ne devez pas agir sans but. Et ses expressions parasites, jadis agréables, à présent inutiles, ne vous conviennent plus. *Silence sur tout ce qui est passé....* Если ты слышалъ отъ Блудова о нѣкоторыхъ моихъ связяхъ, о которыхъ я ему сказалъ слова два очень давно, и если онъ не забылъ этихъ *двухъ словъ*, то попроси его отъ меня, *чтобы онъ объ нихъ забылъ и для себя и для другихъ....* Я говорю не шутя, и прошу его, какъ друга, не шутить (по обыкновенію своему) такую вещь, которую почитаю слишкомъ важною. Не надобно говорить и тебѣ: сомни свои уста, хотя ты ничего не знаешь. Признаюсь, боюсь нескромности, или, лучше сказать, обыкновенной невнимательности Блудова, а она въ этомъ случаѣ, *по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, можетъ быть для меня не-счастіемъ*⁴.

Намѣки письма объясняются изъ того, что мы знаемъ о равнихъ увлеченіяхъ Жуковского и Ал. Тургенева. Въ 1807 г. Жуковский переписывался съ Анной Михайловной Соковниной¹⁾, къ которой когда то былъ неравнодушенъ Ал. Ив. Тургеневъ; онъ рассчитываетъ на ея помощь, если она осталась такою-же, какою была „dans le temps où on chantait: Puisque

1) Сл. Русскій Архивъ 1900 г., сентябрь, стр. 6—8 (іюля — августа 1807 г.).

l'orgueil pour jamais te sépare. Nous pourrons encore être heureux, non pas moi, mais nous, et cela dépend de nous, et nous devons absolument faire en sorte que cela soit". И онъ просить Анну Михайловну написать Тургеневу объ одномъ знакомомъ, Протапинскомъ, о которомъ хлопоталъ: „пожалуйста, поспѣшите объ этомъ написать къ нему, и такъ какъ ваши слова для него важнѣе моихъ, то заставьте, попросите, убѣдите и проч. его постараться о Протапинскомъ и написать ко мнѣ пообстоятельнѣе обо всемъ“¹⁾. Въ томъ же году Жуковскій журитъ Тургеневу за то, что письма Анны Михайловны, обращенныя къ нему, въ такомъ у него „неприборѣ“, что всякій профане можетъ ихъ видѣть. Анна Михайловна жаловалась на это. Если это правда, то надо исправить бѣду: „прошедшее засмуживаетъ большее отъ насъ уваженіе потому особенно, что настоящаго никакъ нельзя ему предпочесть. Она говорила мнѣ объ этомъ съ чувствомъ упрека, и она права. Какъ можешь ты такъ не дорожить ея именемъ, или, лучше сказать, какъ можешь быть такъ разсѣяннымъ?“ (декабря 1807 года). А вмѣстѣ съ тѣмъ Тургеневъ, у котораго чувство уже остыло, могъ еще играть въ него, говорить объ „одной милой на свѣтѣ“. Упрекъ быть заслуженъ. Себя Жуковскій не упрекаетъ, а оберегаетъ. Изъ одного письма къ нему Андрея Тургенева видно, что Жуковскій заподозрилъ друга, будто онъ проговорился въ Москвѣ о его романѣ; Тургеневъ отвѣчалъ тогда, что не виноватъ, развѣ Блудовъ наболталъ чего-нибудь пустого, а если подъ романомъ разумѣть Марью Николаевну, то ему первый началъ говорить о томъ Козловскій. — Это было давно, а Жуковскій и теперь боится этихъ слуховъ: они помѣшали бы ему въ его обстоятельствахъ.

Въ іюнѣ 1807 года Жуковскій писалъ Блудову изъ Москвы наканунѣ отъѣзда въ деревню, гдѣ намѣревался пробыть два мѣсяца, что на будущій годъ беретъ на себя редакцію Вѣстника Европы²⁾. Друзья давно звали его въ Москву. „Твоя страсть, которую отгадалъ я изъ письма твоего, не должна погашать душевнаго огня твоего, ободрилъ его Ал. Тургеневъ; умѣряй ее дѣятельностью и дружбою“ (1807 г. 5 декабря неизв.).

1) Июль—августъ 1807 г., тамъ-же, стр. 7. Жуковскій называетъ Протапинскаго братомъ М. А. Протасовой. Объ этихъ родственныхъ отношеніяхъ сл. Русскій Архивъ 1883 г., кн. I. № 2, стр. 317 (письмо А. Н. Арбенева Жуковскому 22 марта 1814 года).

2) Русскій Архивъ 1900 г. № 9, стр. 5.

Приходилось разставаться съ своими. Два четверостишія 1808 г., обращенныя къ Машѣ (при посылкѣ альбома: „Невинность мирная, краса души твоей“ и „Собой счастливить всѣхъ—прелестный жребій твой“), настроены печально. Въ первомъ № Вѣстника Европы за 1808-й годъ, вышедшемъ за подписью Жуковского, какъ редактора, „Письмо изъ уѣзда“ было его журнальной программой, аллегорическая повѣсть: „Три сестры. Видѣніе Минваны“, напечатанная во второмъ,—привѣтомъ Машѣ ко дню его рожденія (1 апрѣля) ¹⁾. Къ Минванѣ-Машѣ являются три сестры, молодыя красавицы: Вчера — прошедшее, Нынѣ — настоящее и Завтра — будущее. „Нынѣ“ даетъ ей ко дню рожденія розу, „Вчера“ поучаетъ: въ минуту испытанія она будетъ ей утѣшительницей и другомъ; близъ ея урны, подъ сумракомъ кипариса, обитаетъ *воспоминаніе*, вѣщающее о томъ, что было и чего ужъ нѣтъ; „задумчивая меланхолія, которая наслаждается скорбію, любитъ одно минувшее, носится мыслію надъ гробами и въ сѣтованіи о мертвыхъ находитъ сладость“. Въ бесѣдѣ съ прошедшимъ Минвана найдетъ отраду, прискорбная „Нынѣ“ опять улыбнется и вѣтреная „Завтра“ прилетитъ съ своими мечтамъ ²⁾.

Двѣ историческія повѣсти въ сентиментальномъ карамзинскомъ стилѣ, появившіяся въ 1808—9-хъ годахъ, получаютъ значеніе для сердечной біографіи Жуковского въ освѣщеніи его лирики. Я имѣю въ виду два стихотворенія этого года, изъ которыхъ одно можно связать съ Марьей Андреевной Протасовой (Роза, весенній цвѣтъ), другое ей посвящено. Первую пьесу поетъ Людмила въ „Трехъ поясахъ“, повѣсти, построенной на сказочной темѣ о трехъ сестрахъ, двухъ завистливыхъ красавицахъ, Пересвѣтѣ и Мирославѣ, и одной некрасивой, но простосердечной Людмилѣ. Ковы красавицъ не удаются, Людмилѣ помогаетъ волшебница Добрада. Если эта „русская“ сказка — не оригинальная, а переводная ³⁾, то Жуковский не только приладилъ ее къ русской древности, какъ онъ понималъ ее, но и къ своему психологическому настроенію; характерный приѣмъ творчества, съ которымъ мы встрѣтимся не разъ. Дѣй-

1) Зейдлицъ I. с., стр. 34—5.

2) Тотъ же мотивъ трехъ сестеръ (Вчера, Нынѣ и Завтра) въ отрывкѣ: Уединеніе 1813 г.

3) Она напечатана въ „переводахъ“ Жуковского. Сл. Тихонравовъ, Сочиненія, т. III, ч. I, примѣчанія, стр. 60, прим. 8.

ствіе происходитъ подъ Кіевомъ при Владимирѣ и его сынѣ Святославѣ. Изъ всѣхъ дѣвицъ, представленныхъ ему, Святославъ выбираетъ Людмилу; она поетъ ему: „Роза, весенній цвѣтъ“: золотой мотылекъ шепчетъ розѣ, пусть скроется подъ тѣнь отъ лучей палящаго солнца, а она въ безумной гордости говоритъ, что солнце ее любитъ; ей-ли, красавицѣ искать тѣни? И она поникнула отъ лучей, запахъ исчезъ.

Дѣвица красная,
Нѣжный цвѣтокъ!
Розы надменные
Помни примѣръ.
Маткиной душкою
Скромно цвѣти,
Съ мирной невинностью,
Цвѣтомъ души.

Въ „Трехъ поясахъ“ всѣ любятъ Людмилу: „Какая привлекательная скромность, какой невинный взглядъ, какая нѣжная, милая душа изображается на лицѣ ея, пріятномъ, какъ душистая *маткина душка!*“

Другая пѣсня 1808 г., помѣченная 1-мъ апрѣля, днемъ рожденія Маши (напечатанная въ Вѣстникѣ Европы 1809 г. май № 9),—откровенное признанье въ любви, скромной, душевной, платонической, но уже чувствуется тревога, опасеніе, возможность разлуки: Людмилѣ не выйти за Святослава.

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой,
О ты, съ которой нѣтъ сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой....

И далѣе:

Ахъ! мнѣ-ль *разлуку* знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый.

Въ „Марьиной Рощѣ“¹⁾ разлука совершилась. Историче-

1) „Своро-ли мы увидимъ что нибудь вашего произведенія, писалъ Жуковскому Дмитріевъ въ 1806 г.; не зародился-ли какой-нибудь внучекъ Марѣ Посадницы? Но я лучше бы желалъ увидѣть колдунью въ *Марьиной рощѣ*, или, въ родѣ идиліи, возвращающагося со службы воина въ свою отчизну, или *барда на помь битвы послѣ ночного сраженія*, или оду:

скую окраску повѣсти даетъ грозный Рогдай, колеблющейся между Новгородомъ и Кіевомъ, гдѣ онъ служилъ великому князю Владиміру вмѣстѣ съ богатырями Ильею, Чурилою и Добрынею; но у него есть теремъ и на берегахъ Москвы-рѣчки, куда онъ является, чтобы помѣшпать любви пѣвца Улада и красавицы-крестьянки Маріи. Уладъ, котораго въ селѣ называли „соловьемъ“, „простыми стихами прославлялъ весну, спокойствіе земледѣльческихъ хижинъ, свободу поднебесныхъ ласточекъ, нѣжность дубравныхъ горлицъ“. Онъ былъ въ отлучкѣ, а Марія, прельстясь „надеждою сіять своими прелестями въ великолѣпномъ градѣ Кіевѣ“, согласилась выйти за Рогдая, — не измѣняя своей любви къ Уладу; и можно-ль „забыть тѣ сладкія чувства, которыми животворится душа наша въ лучшіе годы жизни, съ которыми соединены воѣ наши надежды на счастье, которыми земля претворяется въ царство небесное?“ Она дорого „заплатила за свое легкомысліе“: Рогдай убилъ ее въ порывѣ ревности, а Уладъ посвящаетъ свою жизнь гробу своей Маріи: жизнь обращается для него „въ ожиданіе сладкое, въ утѣшительную надежду на близкій конецъ разлуки“; Марія сохранила къ нему „любовь и за гробомъ“.

Въ 1808 г. М. А. Протасовой былъ 15 лѣтъ, какъ Маріи въ „Марьиной рощѣ“; Уладъ-Жуковскій поетъ, изображая „пріятность *маткиной души*, которой запахъ, сравнивалъ онъ съ милой душею чадолюбивой матери“, и разлукой вѣдетъ при первомъ его объясненіи въ любви.

Посланіе къ Нинѣ (1808 г.) развиваетъ вопросъ Маріи: можно-ли забыть за гробомъ любовь. На этотъ разъ ставитъ вопросъ поэтъ: небо будетъ ему изгнаніемъ, если для безсмертія онъ утратитъ любовь:

Пѣснопѣвецъ, или Четыре времени дня; но мало-ли что приходитъ въ голову на досугѣ?“ (Соч. И. И. Дмитріева, ред. и примѣчанія А. А. Флоридова, т. II, 1898 г., стр. 207). „Пѣснь барда на гробѣ славянъ побѣдителей“ была, быть можетъ, отвѣтомъ на одну изъ темъ Дмитріева, но Жуковскаго давно занимала — и Марьиная Роща. „Недавно, перечитывая стихи свои на „Марьину Рощу“, которыя началъ было я сочинять въ Свирловѣ, я прочелъ въ нихъ съ нѣкоторымъ трепетомъ слѣдующіе два стиха:

Что ждетъ меня вдали на жизненномъ пути?
 Что мнѣ назначено таинственной судьбою?“

(Жуковскій къ Ив. Петр. Тургеневу 11 августа 1808 года).

О! первыя встрѣчи небесная сладость —
 Какъ тайныя, сердца созданья, мечты,
 Въ единый сляившись плѣнительный образъ,
 Являются смутнымъ весельемъ душѣ —
 Унынія прелесть, волненье надежды,
 И радость и трепеть при встрѣчѣ очей,
 Ласкающій голосъ — души восхищенье,
 Могущество тихихъ, таинственныхъ словъ,
 Присутствія сладость, томленье разлуки,
 Уже-ль невозвратно васъ съ жизнью терять?

Таинственный голосъ вѣщаетъ ему, что для нѣжной любви нѣтъ смерти, „Возлюбленный образъ, съ душой неразлучный, И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ“, и онъ утѣшаетъ Нину, что духъ его будетъ съ нею, невидимый хранитель, будетъ вливать утѣшеніе въ ея скорбную душу, носить ея молитвы къ небесному трону, и смерть ей будетъ путемъ къ веселію, къ восторгу свиданія съ другомъ. „О Нина, о Нина, безсмертье нашъ жребій“.

Таковы утѣшенія сентименталиста, для котораго „вселенная со всѣми ея радостями, должна быть заключена въ той мирной обители, гдѣ онъ мыслить и гдѣ онъ любитъ“ — въ семьѣ (Писатель въ обществѣ 1808 г.). „Ты опять свелъ на счастье семейственной жизни и опять плѣняешься и плѣняешь другихъ изображеніемъ того счастья, которое должно быть заключено въ мирной обители, писалъ ему Ал. Тургеневъ по поводу статьи о Писателѣ въ Обществѣ. Въ награду за столько прекрасныхъ описаній семейственной жизни, я желаю тебѣ отъ всего сердца, чтобы ты насладился симъ счастіемъ и напелъ *около себя* вселенную со всѣми ея радостями, а мы за наше невѣріе будемъ вѣчно искать и не находить счастья“¹⁾. Но и Жуковскому приходилось пока искать счастья — въ утѣхахъ меланхоліи.

Это не „прибѣжище любви *праздной*, т. е. счастливой и еще постоянной“, какъ утверждала одна женщина, испытывавшая „*прямую* любовь“: всякая любовь, и счастливая и несчастная „до тѣхъ поръ, пока она остается любовію, необходимо соединена съ меланхоліей. „Меланхолія не есть ни горесть, ни радость: я на-

1) Письмо 4-го декабря 1808 г. Неизд.

звалъ бы ее отгѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, отгѣнкомъ унынія на душѣ счастливаца ¹⁾.... Счастіе любви есть наслажденіе меланхолическое: то, что чувствуешь въ настоящую минуту, менѣе того, что будешь или что желалъ бы чувствовать въ слѣдующую: ты счастливъ, но стремишься къ большему, болѣе совершенному счастію, слѣдовательно въ самомъ своемъ упоеніи ощутителенъ для тебя какой-то недостатокъ, который вливаетъ въ душу твою тихое уныніе, придающее болѣе живости самому наслажденію; ты не находишь словъ для изображенія тайнаго состоянія души твоей, и это самое безсиліе погружаетъ тебя въ задумчивость“. Счастливая любовь неразлучна съ надеждой, но „надѣяться и не довѣрять почти одно и то же, а невѣрная надежда въ самую минуту счастія соединена съ уныніемъ меланхоліи“; несчастная-же любовь, „разлученная съ сладкою надеждою жить для того, что намъ любезно, слишкомъ скоро умертвило бы наше бытіе, когда бы отдѣлена была отъ меланхоліи, отъ сего непонятнаго очарованія, которое придаетъ неизъяснимую прелесть самымъ мученіямъ. Невидимая цѣпь привязываетъ тебя къ твоей горести; въ ней твое бытіе; утративъ ее, ты самъ уничтоженъ, ибо все то, что прежде наполняло твою душу, вдругъ исчезаетъ“: мысль о томъ, что ты любимъ, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, не отдано и что, перемѣнись твой жребій, она, быть можетъ, была бы твоею. Пока человекъ упрекаетъ одну судьбу, у него остается нѣкоторая обманчивая надежда на перемѣну — и въ этомъ обманчивомъ ожиданіи — „тайное меланхолическое наслажденіе“ (Меланхолія. Сочиненіе женщины, которая никогда не бывала въ меланхоліи. Вѣстникъ Европы № 19, 1808 г.).

Нѣтъ, счастье къ бытію меня не приучило, пишетъ Жуковский Ал. Тургеневу, повторяя горькія откровенія дневника:

Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
 Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ,
 И что-же!.... Предо мной увядшаго могила,
 Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
 Любовь.... но я въ любви напелъ одну мечту,

1) См. у Карамзина, Меланхолія, подражаніе Делилю: „нѣжнѣйшій переливъ — Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья“. См. выше стр. 42.

Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.
Ивсякшія души наполню-ль пустоту?
Какое счастье мнѣ въ будущемъ извѣстно?
Грядущее для насъ — протекшимъ лишь прелестно.

Его чувство настраивается на самоотреченіе, онъ готовъ пожертвовать всѣми благами жизни, лишь-бы

той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить!
(Къ Филалету 1808—9 г.).

Работа по журналу, редакцію котораго онъ съ конца 1809 г. раздѣлялъ съ Каченовскимъ, его распевелила, дала направленіе энергіи. 15 сентября 1809 года онъ пишетъ другу: „Плановъ и предметовъ въ головѣ пропасть, и пишется какъ то скорѣе и удачнѣе прежняго. Nonny soit qui mal у pense“. Письма 1810 г. полны литературныхъ затѣй, прежнихъ заботъ о самообразованіи: онъ бросился на исторію, занимается латинскимъ языкомъ, хочетъ приняться за греческій, тревожитъ Ал. Тургенева просьбами о высылкѣ книгъ. У него явилось „расположеніе къ дѣятельности“; „можетъ быть, такая перемѣна произошла во мнѣ отъ того, что я *дѣятельность писателя* теперь поставляю единственнымъ своимъ благомъ, зависящимъ отъ меня, и хочу къ этому благу стремиться, отказавшись отъ *всѣхъ другихъ*, отъ меня не зависящихъ и невѣрныхъ, предоставляя себѣ однако воспользоваться ими, если они на дорогѣ мнѣ представляются“ (1810 г., 12 сентября) ¹⁾. „Всякая минута у меня

1) Письмо 12 сентября писано, очевидно, въ отвѣтъ на неизданное пока письмо Ал. Тургенева, изъ котораго привожу отрывокъ. „Посылаю тебѣ еще одну изъ пьесъ Уварова, которая однакожь не есть изъ лучшихъ. Онъ написалъ два посланія: À celle que je ne soupais pas, и второе гораздо лучше, нежели À celle que je soupais. Въ немъ есть истинный талантъ и какой-то жаръ въ душѣ, котораго Василій Львовичъ (Пушкинъ) никогда имѣть не будетъ, хотя и ставитъ себя выше Уварова въ поэзіи. Но это не есть главное его достоинство: Уваровъ пишетъ въ прозѣ очень хорошо и имѣетъ множество свѣдѣній не въ одной только легкой литературѣ, но знакомъ и съ римскими классиками, а теперь принялся съ жаромъ за греческую грамматику и хочетъ читать Гомера въ оригиналѣ, а тебѣ совѣтуетъ читать его въ переводѣ Фосса, который несравненно вѣрнѣе и лучше Попа....

занята. Но когда подумаю, сколько погубило драгоценнаго времени по пустякамъ, сердце обливается кровью“ (11 октября 1810 г.). Тѣ-же жалобы въ письмѣ отъ 7 ноября: „Ахъ, братъ и другъ, сколько погубило времени! Вся моя пропедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ *недѣятельности душевной*, который ничего не даетъ мнѣ различить въ ней. *Причина этой недѣятельности тебѣ известна*. А теперь, другъ мой, эта самая дѣятельность служить мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что было прежде ей помѣхою. Если *романическая* любовь можетъ спасти душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней и дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ, какъ царь, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время“. Не всякая любовь убиваетъ дѣятельность, а любовь его, Жуковскаго: „надобно сообразить *мои обстоятельства: воспитаніе, семейственныя связи и двухъ тѣхъ, которые такъ много и такъ мало на меня дѣйствовали*“ (отца и матери?). Обо всемъ этомъ онъ поговорить съ пріятелемъ „въ какомъ нибудь московскомъ уголку“, гдѣ они обновятъ „душевный обѣтъ навсегда, навсегда быть добрыми спутниками въ счастіи и несчастіи“. Скорѣе въ несчастіи: ему чудится, что судьба готовитъ что-то „ужасное“, предстоитъ какое-то испытаніе; „подумай о томъ, что́ были многіе эмигранты, разсыпанные по всему свѣту революціею; взгляни на то,

Пиши противъ главной мысли Уварова, господствующей почти во всѣхъ его сочиненіяхъ и совершенно противоположной твоей главной мысли, которая есть семейственное счастье и скромный уголокъ *въ отчизнѣ*. Aber diese verschiedene Stimmung Ihrer Gemüther kommt aus der besonderen, jedem von ihnen eigenen Individualität, die aus ihren Lebensumständen und Jugendverhältnissen entstanden ist. Блаженныя минуты его жизни прошли подъ чужимъ небомъ, тамъ былъ онъ счастливъ и любилъ въ первый разъ. Оттуда для него

Gleich einer alten halbverklungenen Sage
Kommt erste Lieb'und Freundschaft mit herauf,
Da sind ihm die ersten Bilder froher Tage
Erschienen.

Съ тобою все случилось напротивъ: твой юношескій цвѣтъ разцвѣлъ въ скромномъ уединеніи, не ты оставилъ друзей своихъ, но они расселись по бѣлу свѣту. Und was sich sonst an deinem Lied erfreut, Wenn es noch lebt, ist in der Welt zerstreut. И любовь твоя имѣетъ другой характеръ, но въ мысляхъ вы часто сходны: въ твоей Пѣснѣ барда и въ его Epître sur l'avantage de mourir jeune много мыслей, вамъ общихъ“.

что происходить около насъ, и вообрази возможности.... Для двухъ несчастіе не ужасно;... въ глазахъ и въ рукѣ друга — надежда и сила“. Но воспоминанія проснулись не даромъ: оказывается, что у него по прежнему „голова въ споръ съ сердцемъ“ и работа надъ самообразованиемъ была однимъ изъ средствъ выбраться изъ душевной расторженности. И онъ снова твердитъ, что намѣренъ серьезно отдаться труду, необходимому, хотя и тяжелому. Онъ рассчиталъ его на три года, составилъ подробный планъ занятій ¹⁾; давно написалъ бы Тургеневу „посланіе о дѣятельности“ (оставшееся ненаписаннымъ), „еслибы не былъ рабомъ своего нѣмецкаго порядка: и восхищенію стихотворному назначенъ у меня часъ особый, свой. Но это восхищеніе какъ-то упрямо и не всегда въ положенное время изволить ко мнѣ жаловать“.

Выдержки изъ дневника 22 ноября, которыя Жуковский приводитъ въ письмѣ къ Тургеневу отъ 4-го декабря, показываютъ, какъ рѣшительно онъ поставилъ себѣ новый идеалъ жизни: прежде у него была одна только мысль: надобно писать, теперь, когда онъ понялъ, что онъ „невѣжда во всей обширности этого слова“, онъ говоритъ себѣ: „надобно учиться и потомъ писать“. У него хватаетъ твердости, чтобы не отступить назадъ, начать съ начала, потому что видитъ въ работѣ не только средство къ счастью, но и счастье. „Прежняя моя лѣнь весьма много происходила и отъ *любви*, которая составляла царствующую въ головѣ моей идею и всему прочему была тираномъ. Теперь и любовь уступила *трудолюбію*“. „Тихая скромная жизнь, употребляемая на исполненіе должностей и на трудъ полезный, есть самая счастливая“.

Въ письмѣ отъ 4-го декабря, въ которое вставленъ этотъ отрывокъ, Жуковский проситъ своихъ пріятелей, Тургенева и Блудова найти ему мѣсто, устроить и обезпечить; онъ боится, чтобы тягостныя заботы о состояніи не принудили его сойти съ избранной дороги и не бросится на такую, на которой онъ не надѣется быть счастливымъ; „вы сдѣлаете пользу мнѣ, а я — я буду полезенъ цѣлой Россіи. Говорю это не шутя, ибо я могу быть и буду хорошимъ писателемъ“.

Между отмѣткой въ дневникѣ 22 ноября и письмомъ 4 декабря слѣдуетъ помѣстить письмо Жуковскаго съ указаніемъ

1) Сл. Шевыревъ 1. с. стр. 20, 73.

на какія-то непріятныя обстоятельства, который онъ предвидѣлъ: онъ проситъ Тургенева похлопотать о дѣлѣ Ек. Ае. Протасовой, проситъ, по обыкновенію, книгъ, затѣмъ продолжаетъ по нѣмецки: *das beste Mittel wider die bevorstehenden Unannehmlichkeiten ist meinen Geist mit einem desto festeren Entschluss zu grossen Dingen und Gesinnungen zu erfüllen, denn ich kenne mich genug um zu wissen, dass der Vorsatz oder die Zuversicht in meinem Leben das gemeine Wohl zu befördern mich mehr als alles andere standhaft und ruhig macht; dadurch werden in meinen eigenen Augen meine Wissenschaften so edel und wichtig, das Pflicht und Ruhmbegiede mich gegen alles unüberwindlich machen* 1).

Какія непріятности предстояли Жуковскому? Едва-ли дѣло идетъ на этотъ разъ объ общественныхъ „испытаніяхъ“, которыя грезились ему. Въ концѣ 1810 года Ек. Ае. переселилась въ свое помѣстье Муратово, куда за ней перебрался и Жуковскій въ деревню, купленную имъ въ сосѣдствѣ; съ начала 1811 года Вѣстникъ Европы издается уже однимъ Каченовскимъ. Повидимому, къ этому времени относится объясненіе Жуковского съ Ек. Ае. Протасовой 2): онъ рѣшился просить у ней руку дочери; въ дневникѣ 1814 года Жуковскій недоумѣваетъ, почему не дошло по назначенію его письмо марта 1811 года, въ которомъ онъ просилъ Екатерину Аеанасьевну довѣриться ему, потому что это единственное средство перемѣнить его привязанность къ Машѣ — въ чувство брата. Объ этой небратней привязанности уже знали, Жуковскій пытается выступить открыто, онъ выяснилъ свое грядущее, и сознаніе, что онъ будетъ „полезенъ всей Россіи“, даетъ ему спокойствіе, выдержку; было за что ухватиться. Протасова отказала подъ предлогомъ близкаго родства и даже запретила Жуковскому говорить Машѣ о своей привязанности. Между тѣмъ пріатели хлопотали: Уваровъ, въ то время попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, видѣвшійся съ Жуковскимъ въ Москвѣ въ началѣ 1811 года, предлагалъ ему мѣсто въ Педагогическомъ Институтѣ, но онъ отклонилъ его, потому что „не готовъ“, да и „исключительное занятіе“ лишила бы его свободы, возможности предаться своему

1) Русская Старина 1901 г. апрѣль, стр. 127—9.

2) Сл. у Тихонравова I. с., стр. 491 слѣд. въ разборѣ показаній Зейдлица.

дѣлу, отъ котораго не хочеть отстать. Уваровъ поручилъ Ал. Тургеневу уговорить его. Жуковский отвѣчаетъ въ маѣ 1811 г.: ты слишкомъ нетерпѣливъ въ дѣланіи мнѣ добра, подожди, когда я самъ попрошу твоей помощи. „Изъ деревни опишу обстоятельно всѣ причины, *принуждающія меня отказаться отъ выгодной должности, мнѣ предлагаемой. Теперь мнѣ совѣтъ не до того*“¹⁾.

Посланія „о дѣятельности“ не могло быть написано; большая часть стихотвореній 1810—1811 годовъ, свои и заимствованныя, выражаютъ тревоги и перебои романической любви. Въ письмѣ 7 ноября 1810 года извѣщалъ Тургенева, что у него почти готова баллада, вдвое длиннѣе Людмилы (1808 г.) и лучше ея, съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ дѣяволомъ, и этотъ дѣяволъ будетъ посвященъ его „милой переписчицѣ“, А. А. Протасовой, сестрѣ его Маши. Разумѣется Громобой; къ Машѣ, вѣроятно, обращено стихотвореніе „Къ ней“, найденное послѣ ея смерти въ ея портфелѣ²⁾. Знакомые мотивы сентиментальной поэзіи вторгаются въ Посланіе къ Блудову (1810 г.), повторяются Пѣснѣ („О милый другъ!“, подражаніе нѣмецкой 1811 г.), въ „Подписи къ солнечнымъ часамъ“, въ Цвѣткѣ (съ французскаго 1811 г.), въ „Жалобѣ“ (изъ Шиллера, *Der Jüngling am Bache*; 1811 г.), въ „Желаніи“ (изъ Шиллера, *Die Sehnsucht*; 1811 г.), въ „Пѣвцѣ“ (1811 г.).

Шиллеровскій *Jüngling, Knabe*, очутился знакомымъ намъ Усладомъ: оба сидятъ у ручья, въ волны котораго бросаютъ вѣнокъ; все воскресло съ весною, для нихъ же нѣтъ счастья безъ милой. Жуковский идетъ объ руку съ текстомъ, не переводя, а подражая, и кончаетъ третьей строфой:

Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть одна во всей вселенной—
Къ ней душа, и мысль объ ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки;
Милый призракъ прочь летить.
Кто-жь мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолить?

1) Письмо 1811 г., изъ второй половины мая. Сл. примѣчанія издателя.

2) Зейдлицъ I. с., стр. 45.

У Шиллера все разрѣшается призывомъ къ счастью: Сойди, моя красавица, покинь свой гордый замокъ; я осыплю тебя весенними цвѣтами. Слышишь, какъ лѣсъ оглашается пѣснями, какъ звонко журчитъ ручей! И въ малой хижинѣ есть мѣсто для двухъ любящихъ. — Усладу-Жуковскому такой хижины не предвидилось, и онъ опустилъ послѣднюю строфу. Стихотвореніе, хотя и подражательное, получаетъ характеръ біографическій. Какъ Элегія „Вечеръ“ (1806 г.) кончалась ожиданіемъ, что унылая Минвана съ Альпиномъ придутъ мечтать „надъ тихой юноши могилой“, такъ теперь поэтъ приглашаетъ насъ погрузиться надъ прахомъ „бѣднаго пѣвца“, который:

Дружбу пѣлъ, давъ другу нѣжну руку,
 Но вѣрный другъ во цвѣтѣхъ лѣтъ угасъ;
 Онъ пѣлъ любовь — но былъ печаленъ гласъ;
 Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку....
 Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?
 Блаженство знать, къ нему летѣть душой,
 Но пропасть зрѣть межъ нимъ и межъ собой,
 Желать всякъ часъ и трепетать желанья....

(Пѣвецъ, 1811 г.)

„Бѣдный пѣвецъ“ — это самъ Жуковскій: на его могилу придетъ другъ (Блудовъ) съ своей Людмилой, пусть соберутся туда и друзья: когда

Луна сквозь облакъ дымный
 При вечерѣ блеснетъ,
 И липа разольетъ
 Окрестъ благоуханье,

онъ будетъ летать подъ зыбкой сѣнью деревьевъ невидимую тѣнью объ руку съ Филономъ:

Тогда вамъ тихимъ звономъ
 Покинутая мной
 На юномъ кленѣ лира
 Припельцевъ возвѣститъ
 Изъ таинственна міра,
 И тихо пролетитъ
 Задумчивость надъ вами.

(Къ Блудову 1810 г.)

Но надежда еще не умерла: если прошла весна любви, то на смѣну ей явится „дружба мирная“ (Надпись къ солнечнымъ часамъ, 1811 г.), либо дружба и трудъ, водворяющій въ сердцѣ „ясность и покой“, повторяетъ поэтъ за Шиллеромъ (Мечты 1812 г.).

Онъ самъ изобразить себя въ влюбленномъ юношѣ, съ душою ясной, какъ весенній день — въ Посланіи къ Батюшкову (1812 г.), который зналъ о его горѣ и совѣтовалъ „сложить печалей бремя“ (Мои пенаты 12 апрѣля 1812 г.):

При ней — задумчивъ, сладкой
 Исполненный тоской,
 Ты робокъ, лишь украдкой
 Стремись къ ней томный взоръ:
 Въ немъ сердце вылетаетъ;
 Несмѣль твой разговоръ;
 Твой умъ не обрѣтаетъ
 Ни мыслей, ни рѣчей;
 Задумчивость, молчанье
 И страстное мечтанье —
 Языкъ души твоей;
 Забыты всѣ желанья;
 Безъ чувства, безъ вниманья
 Къ тому, что предъ тобой,
 Ты одинокъ съ толпой.

И Батюшковъ въ посланіи къ А. Тургеневу (1812 г.) характеризуетъ Жуковского, какъ пѣвца любви, утопающаго въ восторгѣ и забывающаго строгій голосъ разсудка:

Для двухъ коварныхъ глазъ,
 Подъ знаменемъ Киприды,
 Сей новый Донъ-Кипоть
 Проводить вѣкъ съ мечтами,
 Съ химерами живетъ,
 Бесѣдуетъ съ духами,
 Съ задумчивой луной,
 И — міръ смѣшитъ собой!
 Для свѣта равнодушень,
 Для славы и честей,

Одной любви послушенъ,
Онъ дышетъ только ей,
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и поляхъ,
Съ поникшей головою,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный бродить,
Одно твердить, поетъ:
„Любовь, любовь зоветъ....“
И риемы лишь находитъ.
(Отвѣтъ А. И. Тургеневу).

Пока оставалось мечтать, жить воображеньемъ, отвѣчаетъ онъ своей племянницѣ, Авдотѣ Николаевнѣ Арбеновой:

„Разсудку глазъ, другой воображенью!“
Такъ пишетъ мнѣ мой стародавній другъ.

Воображеніе — это волшебный фонарь, являющій намъ „на платѣ роковомъ Блестящее блаженства привидѣнье. О! другъ мой! Умъ всѣхъ радостей палачъ!“ Оставимъ его тѣмъ, кто благами богатъ,

Но у кого они на перечетъ,
Тому совѣтъ: держись воображенья!
Оно всегда въ печальной жизни счетъ
Веселыя приноситъ заблужденья!

Нетлѣннаго нѣтъ на землѣ,

Оно насъ ждетъ за дверью гробовою;
А на землѣ всего вѣрнѣй — мечтать!

Его желанья скромныя:

....мирный трудъ, свобода съ тишиной,
Посредственность и кругъ друзей священной,
И муза, вождь моей судьбы смиренной.

Онъ не рожденъ подъ той звѣздой, которая влечетъ въ храмъ Фортуны: нѣтъ у него ни отважности, ни пламеннаго рвенья, ни дара ловить летящее мгновенье, препятствія въ удачу обращать:

Полжизни я истратилъ въ тишинѣ:
Застѣнчивость, умѣренность желаній,
Привычка жить всегда съ однимъ собой,
Довѣрчивость съ безпечной простотой —
Вотъ все, мой другъ! Увы! запасъ убогой!

Зачѣмъ ему дары счастья? „Съ кѣмъ ихъ дѣлать? Кому ихъ въ даръ принести?...“ Быть полезнымъ? Но это дѣло сильныхъ, „ихъ кругъ большой! ты дѣйствуй въ маломъ кругѣ!“ Ему быть пѣвцемъ,

Кому дано бряцаньемъ лиры стройнымъ
Любовь къ добру переливать въ сердца (1812 г.)¹⁾

Мы знаемъ, что Протасова обязала Жуковскаго ничего не говорить дочери о его предложеніи и ея, Протасовой, отказѣ, а онъ, казалось ей, нарушилъ обѣщанье: на семейномъ праздникѣ у сосѣдей Плещеевыхъ 3 августа 1812 г. онъ пропѣлъ своего „Пловца“.

„Пловецъ“ 1811 года навѣянь, такъ сказать, мотивами двухъ стихотвореній Жуковскаго, относящихся къ тому же году: „Добрая мать“ написана по адресу Ек. Ае. Протасовой; оказывается, Богъ послалъ ее въ міръ „себѣ на прославленье“, дабы она примирила съ надеждой того, кто разувѣрился въ счастья (Жуковскаго), а въ награду ея „доблестей чудесныхъ“ послалъ ей „двухъ ангеловъ прелестныхъ“, т. е. двухъ дочерей. Въ „Желаніи“ (изъ Шиллера) поэтъ шпегетъ желаннаго исхода, хочетъ воскреснуть душой: видитъ гдѣ-то цвѣтушіе холмы, „предѣлъ очарованья“, но путь туда прегражденъ ужаснымъ потокомъ. У берега лодка:

Вдемъ!... будь, что суждено....

Паруса ея крылаты

И весло оживлено.

Вѣрь тому, что сердце скажетъ;

1) Жуковскій затѣвалъ еще какое-то посланіе къ Арбеновой, о чемъ писалъ ей 15 декабря 1813 года: „У меня еще сидитъ въ головѣ и стихотворное къ вамъ посланіе; но стихи пишутся тогда только, когда на душѣ ясно; а на моей душѣ часто и очень часто сумерки“. Русскій Архивъ 1883 г., II, стр. 309.

Нѣтъ залоговъ отъ небесъ;
 Намъ лишь чудо путь укажетъ
 Въ сей волшебный край чудесъ.

Чудо совершается въ „Пловцѣ“: пловецъ—Жуковский гибнетъ въ волнахъ океана, но Провидѣніе занесло его въ райскую обитель, тамъ онъ видитъ трехъ ангеловъ (Ек. Ав. Протасову съ дочерями). Какая

.... радость

Ими жить, для нихъ дышать,
 Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
 Въ душу, въ сердце принимать.
 О судьба! Одно желанье:
 Дай всѣ блага имъ вкусить;
 Пусть имъ радость, мнѣ страданье,
 Но.... не дай ихъ пережить.

Протасова приняла это за намекъ, нарушившій ея приказаніе, и попросила Жуковского удалиться. 12 августа онъ поступилъ въ Московское ополченіе и вернулся къ своимъ лишь 6 генваря 1813 года, проболѣвъ въ Вильнѣ горячкой. „Минута энтузіазма, весьма естественнаго при чтеніи манифестовъ нашего Государя, заставила меня броситься на такую дорогу, которая мнѣ совѣмъ не извѣстна“ писалъ онъ впоследствии ¹⁾. Въ сраженіяхъ онъ не участвовалъ, не видѣлъ подробностей „кровоавой свалки“, хотя получилъ чинъ штабсъ-капитана и орденъ Анны 2-й степени за отличіе подъ Бородинымъ и Краснымъ, но видѣлъ картины войны, что-то стихійное, несказанное въ контрастахъ тихаго неба и борющихся армій — и вернулся со славой „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“. Онъ уже испыталъ свою лиру въ патріотическомъ пѣсноцѣнці, но „Пѣсня барда“ съ ея гипотетическими славянами, Дидомъ и Святovidомъ—это восторгъ вчужѣ; „Пѣвецъ“ переводитъ насъ на болѣе историческую, если и не реальную почву: надъ войскомъ по прежнему мчатся воздушные полки, но между ними Святославъ, Донской, Петръ, Суворовъ; вооруженіе классическое: мечи, стрѣлы, кольчуги. Жуковский не замѣтилъ противорѣчія и позже, когда въ изданіи своихъ сочиненій 1848 г.

1) Разсужденіе о Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ. Спб. 1822 г. Сл. письмо къ Ал. Тургеневу 9 апрѣля 1813 г.

въ виньеткѣ передъ „Пѣвцомъ“ изобразилъ самъ себя въ видѣ пѣвца безъ бороды, въ казачьей курткѣ,—но съ лирой, передъ бородатыми товарищами, расположившимися вокругъ сторожевого огня. Впечатлѣніе роковыхъ контрастовъ, вынесенное имъ изъ дѣйствительности, отразилось въ Пѣвцѣ идиллическими картинами: здѣсь „за гибель — гибель, брань, за брань“, а тамъ отчизна,

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки.

Тамъ и милая, давшая витязю щитъ со святымъ обѣтомъ:
„Твоя и за могилой“. Тамъ (въ Муратовѣ), за синей далью,

Твой ангелъ, дѣва красоты,
Одна съ своей печалью,
Груститъ, о другѣ слезы льетъ;
Душа ея въ молитвѣ,
Боишься вѣсти, вѣсти ждешь:
„Увы! не палъ ли въ битвѣ?“
И мыслить: „Скоро-ль, дружній гласъ,
Твои мнѣ слышать звуки?
Лети, лети, свиданія часъ,
Смѣнить тоску разлуки!“

И милый является — къ „Свѣтланѣ“.

Баллада, лишь въ 1814 году поднесенная, какъ свадебный подарокъ, сестрѣ Маши, А. А. Протасовой, затѣянная, быть можетъ, еще въ 1808 году, написана была, вѣроятно, въ 1812 г. „Пѣвецъ“ напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1812 г. №№ 23—4, баллада тамъ же въ № 1—2, 1813 года.

На приглашеніе Ал. Тургенева пріѣхать въ Петербургъ Жуковский отвѣчалъ, что у него и денегъ на то нѣтъ, да онъ ничего иного и не желаетъ, какъ жить въ деревнѣ, жить авторствомъ, пользоваться свободой и „писать съ вольнымъ духомъ.... Впрочемъ могутъ случиться такія *обстоятельства*, которыя заставятъ меня искать пріюта въ службѣ. Тогда ты бу-

дешь моимъ прибѣжищемъ. Думая о томъ, что можетъ со мной случиться худого, думаю всегда, что ты мнѣ останешься и что въ тебѣ найду замѣну того, чего, можетъ быть, должно лишиться. Это покажется тебѣ мистическимъ. Объяснимся послѣ. Дорого бы далъ, чтобы съ тобою увидѣться: я такъ давно уже не имѣлъ этого счастья. Но что говорить о счастьи; нельзя сказать, чтобы оно было со мной знакомо“ (20 мая 1813 г.).

Мама между тѣмъ узнала о предложеніи Жуковскаго и отказѣ матери, и ея здоровье пошатнулось. Первыя письма Жуковскаго къ его племянницѣ А. П. Кирѣевской отъ іюля 1813 г. полны заботъ о здоровьѣ Маши. Кирѣевская собралась въ свое Долбинское имѣніе, гдѣ все напомнило бы ей ея покойнаго мужа, и Жуковскаго заботить, что она дастъ надъ собою волю печальному чувству, что ея воображеніе будетъ „трудиться надъ изобрѣтеніемъ новыхъ горестей“. И онъ пространно наставляетъ ее: она обязана сохранить свой душевный покой для дѣтей — и для Маши, ея спокойствіе должно быть для васъ главное, на спокойствіи основана ея жизнь, душевное волненіе для нея пагубно. Надо беречь ее, не огорчать, „пожертвовать всѣми будущими досадами“. „Какое счастье для васъ быть ея хранителемъ!“ — „Собственнаго счастья, которое мнѣ нужно, я имѣть не буду! говорить онъ въ другомъ письмѣ: мнѣ остается только видѣть его въ вашемъ миломъ кругѣ — оно все будетъ моимъ“.

Письма Жуковскаго 1813—14 годовъ къ Ал. Тургеневу, Воейкову, Свѣчиной, Арбеновой и др. покажутъ намъ, какъ это самоотреченіе перебивалось надеждами, какъ онъ всюду искалъ себѣ пособниковъ, которые могли бы повліять на рѣшеніе Протасовой, искалъ среди родныхъ и друзей, въ Лопухинѣ, Воейковѣ, архимандритѣ Филаретѣ, епископѣ Досиѣѣ; рассчитывалъ при помощи Ал. Тургенева на вліяніе Государыни и Синода. Во всемъ этомъ было болѣе фантастики, чѣмъ разборчивости, и Жуковскому пришлось разочароваться во многихъ, которыхъ онъ считалъ своими друзьями. Онъ жаловался и попрекалъ, но порой справлялся съ собой и бралъ на себя часть вины; требуя свободы своему чувству, онъ не считался съ практическою стороною дѣла. Екатерина Аванасьевна была упрямой блюстительницею церковнаго обряда и, разумѣется, каноническаго преданія, у нея сложились очень самостоятельныя и строгія нравственныя правила, и она крѣпко придер-

живалась того, что признавала за правду-истину, — качество души, которое при известныхъ обстоятельствахъ иногда можетъ перерождаться въ упрямство“. Такъ говоритъ Зейдлицъ, коротко ее знавшій и любившій ¹⁾; Вилламовъ отзывался о ней въ 1820 г., какъ о „нашей доброй маменькѣ“, Воейковъ упрекалъ ее въ „ложной чувствительности“. Сентиментальныя мечты юныхъ лѣтъ, выродившіяся въ нѣкоторый ригоризмъ, сдѣлали ее опасливой: она боялась слѣдствій „романической“ страсти и не вѣрила Жуковскому, когда, отказавшись отъ идеи брака, онъ увѣрялъ ее въ своей духовной, дружеской привязанности къ Машѣ и лишь для этого чувства просилъ свободы. Она упрекала его, что онъ отстранилъ отъ нея дочь; Жуковский несомнѣнно воспиталъ ее и ея сестру Александру Андреевну въ духѣ *amitié amoureuse*, мечтательности и шѣтивма; обѣ въ известной мѣрѣ его созданія, и онъ привязался къ нимъ, душевно любилъ Машу — и давалъ ей читать Мендельсона, *Ueber die Unsterblichkeit der Seele*. На экземплярѣ изданія 1776 г. на заглавномъ листѣ написано: *Marie de Protasoff*; Мама читала эту книгу въ 1813 г. въ Орлѣ; на первой страницѣ Жуковский помѣтилъ карандашомъ: „О пользѣ несчастья“. Мотивъ для размышленія ²⁾).

Несчастье, страданіе — ко благу, это искусство, очищающій человѣкъ; въ этой вѣрѣ Жуковскій часто будетъ искать успокоенія; и теперь онъ старается порой не горевать, а — ждать „съ тихимъ упованьемъ“. Эпимесидъ возмущенъ жребіемъ, выпавшимъ по волѣ Зевса на долю человѣка: прошедшее ему врагъ, въ настоящемъ онъ осужденъ влачить бремя заботъ и скуки, а сонъ будущаго счастья улетаетъ, и если

случайно оживить

Онъ сердце радостью мгновенной,—

То въ безднѣ лучъ уединенной:

Онъ только бездну озаритъ ³⁾.

1) Зейдлицъ, I. с., стр. 13

2) Указанный экземпляръ книги Мендельсона находится въ библиотекѣ А. О. Онѣгина.

3) У Parny, *Éphimécide*:

Si quelque douceur passagère
Un moment console ses maux,
C'est une rose solitaire
Qui fleurit parmi des tombeaux.

И вотъ Эпимесидъ молить Зевса послать ему „даръ небытія“, хотеть броситься съ утеса въ волны, но голосъ изъ облаковъ велить ему не гнѣвить Творца роптаньемъ, потому что

Богамъ любезенъ человекъ,
И благъ источникъ наслажденья.

Эпимесидъ простерся въ прахъ, покорный, съ тихимъ упованьемъ. Черезъ два мѣсяца онъ приходитъ на тотъ-же берегъ и ставитъ подъ сѣнью миртовъ „ликъ дружбы въ честь благимъ богамъ“, черезъ годъ алтарь любви и, наконецъ, сельскій храмъ „благотворенью“ (Эпимесидъ, изъ Парни, 1813 г.). Невольно вспоминается одна изъ раннихъ отмѣтокъ дневника 1805 года: вѣрный другъ, вѣрная жена и — „удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній“.

Привязанность Машы къ Жуковскому не перебила вліянія матери. Дѣвушка приходилось молчать, уходить въ себя; не даромъ Жуковскій пытался впоследствии создать ей въ лицѣ ея двоюродной сестры, Кирѣевской, такого семейнаго друга, который стоялъ бы на его сторонѣ: „ей (Машѣ) такъ часто бываетъ нужно говорить безъ закрывки. Весь вѣкъ таится въ себѣ — ужасно“ (16 апрѣля 1814 года).

Можетъ быть, еще до пріѣзда Воейкова, оживившаго надежды Жуковскаго, написано было стихотвореніе „Къ самому себѣ“, напечатанное въ № 4 (февраль) Вѣстника Европы слѣдующаго года стр. 286—7:

Что посылаетъ судьба, принимай и не сѣтуй! Безумно
Скорбью бесплодной о благѣ на вѣки погибшемъ
То отвергать, что намъ предлагаетъ минута!
(Къ самому себѣ).

Между тѣмъ еще въ началѣ апрѣля 1813 года кн. Вяземскій писалъ Ал. Тургеневу изъ Москвы: „Ожидаю Жуковскаго,.... ему дуетъ теперь попутный вѣтеръ, и непременно намъ, то есть, его друзьямъ, надобно его заставить воспользоваться хорошею погодою. Полно ему дремать въ Бѣлевѣ. Онъ мнѣ пишетъ о полученіи ордена Святыя Анны.... Жуковскаго надобно освѣжить: онъ теперь вянетъ, и я, ей Богу, боюсь, чтобы, онъ вовсе не увялъ. Характеръ его, *обстоятельства*, ходъ жизни его — все, мало по малу, его томить. Нельзя долго жить

въ мечтательномъ мірѣ и не надобно забывать, что мы, хотя и одарены безсмертною душою, но всетаки немного причастны скотству, а, можетъ быть, и очень. Жуковскій же пренебрегаетъ вовсе скотствомъ: это гибельно. Свинью можно держать въ опрятномъ хлѣвѣ; но, чтобы она была и здорова и дородна надобно ей позволить валяться иногда въ грязи и питаться навозомъ. И человѣкъ, который, по излишнему почтенію къ сему, конечно, весьма почтенному животному, сталъ бы держать его въ благоуханной оранжереѣ, кормить ананасами и померанцами, купать въ розовой водѣ и класть спать на ложѣ, усыпанномъ жасминами, скоро бы уморилъ почтеннаго своего кумира¹⁾.

1) Остафьевскій Архивъ I, письмо № 11, начало апрѣля 1813 г.